Цѣна 1 к.

НАРОДНАЯ ВОЙНА

Экстренныя телеграммы.

самыя послѣднія новости!

ѣрнѣй всѣхъ газетныхъ сообщеній!

ВОЕННЫЙ юмористическій альманахъ
Складъ изданія: Москва, Уланскій пер. д. 18
При типографіи.

Сегодня вышелъ и продается вездѣ № 1 народной газеты
Цѣна № 3 к. „Русскій День“. Цѣна № 3 к.

Нѣмецъ протухъ.

Нѣмецъ-перецъ колбаса
Намозолилъ всѣмъ глаза;
А попалъ какъ подъ обухъ—
Окончательно протухъ!

Притянули на допросъ,
И, рѣшили, зажавъ носъ,
Колбасу за смрадъ такой,
Изъ Европы гнать метлой!

Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР №23778 1969 г.

Народная война
Юмористическій альманахъ 14 сентября 1914 г.

Экстренныя телеграммы.

СЕНЪ-ДЬЕ

Изъ германскихъ армій грозныхъ
Лишь одна не пострадала
Потому, что въ бой ни разу
Выходить не пожелала.
Это—армія саксонцевъ!..
То узнавъ—Вильгельмъ взбѣсился
И частями всѣхъ саксонцевъ
Распихать распорядился
Тутъ по арміямъ, которымъ
Ужъ попало отъ француза
Командиръ-же фонъ-Гаузенъ
Въ шею выгнанъ для конфуза.

ЛЬВОВЪ.

Австрійцамъ стало не втерпежъ.
Вѣдь каждый день ихъ бьютъ!
Теперь всю Австрію за грошъ
Они охотно продадутъ...

ВѢНА.

Ярославъ у насъ отняли
Очередь за Краковомъ...
Запоешь теперь не Францемъ
А... дядюшкой Яковомъ!

КОНСТАНТИНОПОЛЬ.

Рѣшено здѣсь и подписано—
Что, молъ, цѣловаться?
Мы Германіи не хуже—
Хочется подраться!

НЕАПОЛЬ.

По всей Италіи несется
Единодушный крикъ—призывъ:
Пора на тѣлѣ итальянцамъ
Нѣмецкій удалить нарывъ

НЬЮ-ІОРКЪ

Нѣмцы въ Америкѣ всѣ негодуютъ.
Что же Вильгельмъ съ своимъ флотомъ сидитъ?
Нашу торговлю всю врагъ раззоритъ
Лучше скорѣй пусть... Вильгельма ужъ вздуютъ!

ПЕКИНЪ.

Обращались къ президенту
Нѣмцы съ просьбой: помощь дай?!
—Отъ быка дать молока вамъ?—
Молвилъ имъ Юаншикай.

ИНСТЕРБУРГЪ

Нѣмцы, битые французами,
И сюда привезены
Кулаковъ отвѣдать русскихъ.
Каково они вкусны?
Ожидая „угощенья“
Нѣмцы пьянствуютъ во всю:
Съ пьяныхъ глазъ конечно, легче
Погубить страну свою!

БЕРЛИНЪ.

Съ каждымъ днемъ народъ мрачнѣе
Брови хмуритъ и сопитъ
Собирается толпами—
Только „Гох“ ужъ не кричитъ.
Проклинаютъ въ тихомолку
Глупость кайзера кругомъ
И готовятся къ расчету
Съ неудавшимся орломъ...
Если вся бѣда отъ трона—
Такъ берлинцы говорятъ,
Такъ теперь орломъ ворону
Почитать намъ не велятъ!

ПОВОЛЖЬЕ.

Нѣмцы плѣнные ликуютъ:
Не житье намъ—прямо рай!
Насъ и холятъ и балуютъ,
Хоть во вѣкъ не умирай!
Глупый кайзеръ нашъ зазнался—
Лучше бъ велъ себя смирнѣй,
А теперь вотъ и дождался
Для себя расплаты дней!
Намъ и здѣсь, въ плѣну, отрадно,
Худа нѣтъ и впереди,
Ну, а ты Вильгельмъ, хоть къ черту
Въ скоморохи уходи!

Телеграфистъ-Юмористъ.

Военный раекъ.

Пожалуйте господа военные, смотрѣть картины отмѣнныяне злобныя и тяжелыя, а самыя веселыя, здѣшнія иззграничые, личныя и безличные—
Политичные!

Первая картина, какъ и полагается, съ самимъ Вильгельмомъ появляется. Растопырилъ онъ ноги верстъ на тыщу поперекъ, одной пяткой на Францію приналегъ, а другой въ Россію хочетъ втерется, а вмѣсто того приходится на одномъ мѣстѣ вертѣться, да то и дѣло кверху скакать, да пятки мѣнять. Во Франціи ему пятку нажгутъ, онъ перевозитъ ее въ Россію тутъ, да такъ и до сихъ поръ тѣмъ заниматься продолжаетъ, что--
Пятки мѣняетъ!

Вторая картина австрійская изъ Вѣны. Покраснѣли тамъ отъ стыда дворцовыя стѣны, никакъ они того не ожидали, что бъ у нихъ Буковину отняли и всю ихнюю армію растрепали. А тутъ еще сербы съ черногорцами имъ бока подпираютъ. въ Босніи города преспокойно забираютъ, а австрійскую власть по шеямъ выставляютъ и на силу ихъ могучую, того—
Плевать желаютъ!

Третья картинка не новинка: Турція къ войнѣ готовилась подъ сурдинку, да видно плохо училась и дѣло видимое получилось—кто мелко плавать начинаетъ, у того кое что наружѣ бываетъ. Препятствовать ей топится никто не думаетъ торопиться. Давно пора изъ исторіи человѣчества убрать игрушку нѣмецкую сирѣчь—
Имперію турецкую!

Четвертая картина не политическая, стало-быть экономическая. Только было у насъ произошло продуктовъ удешевленіе, какъ торговцы мигомъ устроили превращеніе и примѣняясь къ таксѣ обязательной, ниже таксы продавать продукты избѣгаютъ старательно и только о томъ жалѣютъ, что выше таксы скакать не смѣютъ, а то бы нажили безъ излишку на пятачекъ по рублишку...

Наши торгаши извѣстные перцы—
Что твои нѣмцы!

Пятой картины не покажу. до слѣдующаго раза погожу—посмотрю, какъ торгаши нѣмецкую повадку будутъ проявлять—тогда я ихъ поярче постараюсь размалевать!

Раешникъ.

Казацкая.

Осѣдлаю я гнѣдого,
Пику въ руки и верхомъ
На врага ударю злого—
Пусть летитъ онъ кувыркомъ!..

Гей казаки! Гей казаки!
Гей вы кони казаковъ!
Отличайся каждый въ дракѣ—
Не жалѣй лихихъ враговъ!

Передъ нашей грозной лавой
Нѣмецъ свой теряетъ духъ
И бѣжитъ онъ влѣво, право,
Разлетается какъ пухъ.

Припѣвъ: Гей казаки. и т. д.

Не въ нагайкахъ наша сила—
Сила въ пикахъ и мечахъ,
Имч дѣйствовать учила
Насъ отчизна, всѣмъ на страхъ.

Припѣвъ: Гей казаки. и т. д.

ВЪ ТУРЦІИ.

Нашъ мужъ хочетъ на войну съ русскими итти...

— Съ нами-то не справится, а туда же на войну... Похвастаться видно передъ нами захотѣлъ!

ОЧИЩАЮТЪ.

Въ правленіи банка работа кипитъ
Нѣмецкій въ немъ духъ изгоняютъ
И Ванька и Филька кряхтитъ и ворчитъ:
— Ну нѣмцы...ишь въ носъ какъ щибаютъ!

Галиційскія равнины
Слышутъ нашъ удалый свистъ:
Повернули нѣмцы спины
Къ Вѣнѣ путь свободенъ—чистъ.

Припѣвъ: Гей казаки. и т. д.

Докатиться до Дуная
Намъ, Донцамъ, не привыкать
Славныхъ дѣдовъ нашихъ стая
Тамъ не разъ могла гулять.

Припѣвъ: Гей казаки. и т. д.

Мы какъ съ неба упадаемъ
И какъ молнія мы бьемъ
У враговъ не даромъ, знаемъ,
Страшной силой мы слывемъ!

Припѣвъ. Гей казаки. и т. д.

ТИШЕ ѢДЕШЬ

Разговариваютъ два нѣмца.

— Нашъ кайзеръ хвастался, что въ одинъ мѣсяцъ возьметъ и Парижъ и Петроградъ...

— На дѣлѣ такъ не вышло. Парижъ мы почти взяли, да пришлось вернуться назадъ и теперь врядъ ли мы его возьмемъ, а Петроградъ и подавно не скоро дождется насъ.

— Выходитъ, значитъ, что тише ѣдешь—дальше будешь!

ПО РУССКИ ЗАГОВОРИЛИ.

Плѣнные нѣмцы учатся говорить русскія пословицы со словъ какой-то бабы:

— Не зная броду не суйся въ воду
— „Не знай бороду несуся въ воду."
— Семеро одного не ждутъ.
— Семе родного не жгутъ."

Война съ нѣмцами.

Ну и здоровъ-же нѣмецъ на драку,—сразу видно, что на этомъ дѣлѣ слопалъ не одну собаку, а цѣлую, значитъ, свору, что и тигру бы было впору!

Вотъ ужъ никакъ нельзя ожидать было, что бы изъ неуклюжаго колбаснаго рыла да вдругъ получилась тигра лютая... нѣмецкой глупостью надутая, зубастая кровожадная, страшная и нескладная.

Штуковина занятная.

Такая страсть да въ ночку темную да на дорожку укромную—испугала бы не только ребенка, а и жеребенка.

Теперь эта тигра лютая надъ плѣнными вздумала мудровать, начальниковъ нашихъ, которые къ нимъ въ руки попали, стала въ разныхъ преступленіяхъ обвинять, что бы рукамъ своимъ волю дать, а главное, что бы съ больной головы на здоровую вину сбалить, не всє, молъ, про наши звѣрства говорить, мы и на васъ взведемъ поклепъ—на выдумки гораздъ нашъ мѣдный нѣмецкій лобъ.

И лютая тигра стала рычать, что наши генералы приказывали ихнія нѣмецкія деревни сжигать, въ ихнихъ нѣмецкихъ жителей стрѣлять... И мало, что зарычала, а сейчасъ же и когти показала и одного нашего плѣннаго генерала въ кандалы заковала... Объ одномъ только не помышляла, что вѣдь и у насъ нѣмецкіе плѣнные генералы найдутся, которымъ кандалы тоже. того—

Въ пору придутся!

Объэтомъ ей теперь пришлось узнать и собственными когтями въ собственномъ нѣмецкомъ затылкѣ почесать, а нашего генерала, конечно, расковать...

Никакъ не привыкнетъ тигра лютая что бы, значитъ, того—

Рукамъ то волю не давать?

Сколько годовъ она бронированнымъ кулакомъ махала—нигдѣ отпору не видала и вдругъ: стопъ машина—играй назадъ—больше махать не велятъ!

Хоть и ничего не подѣлаешь, понятно, а всеже, того,—

Досадно!

Какъ думаешь, старуха, на долго хватитъ у нѣмца духа. что бы продолжать мордобитіе, сирѣчь всемірное кровопролитіе?

Задумалась одноглазая надъ моимъ вопросомъ; повертѣла эдакъ со свистомъ во всѣ четыре стороны носомъ, словно разнюхивая: откуда чѣмъ несетъ, и такъ заговорила въ свой черёдъ:

Нѣмцы упрямы какъ черти и будутъ драться до смерти, конечно не всѣхъ, а только безумцевъ тѣхъ, которые до убійственной войны народъ довели и ни отъ раззоренія, ни отъ горя его не спасли! Эти безумцы надъ народомъ своимъ мудровали, все его къ бойнѣ приготовляли, а потомъ, съ народной, конечно, помощью, задумали и надъ всѣмъ міромъ мудровать. Дураку, извѣстно, стоитъ только палку въ руки дать, онъ тогда такое начнетъ изъ себя начальствіе изображать, что около его лучше и не стоять! И пока этимъ дуракамъ—безумцамъ рукъ не свяжутъ и настоящее для нихъ мѣсто не укажутъ, до тѣхъ поръ они будутъ бѣсноваться и надъ родомъ человѣческимъ измываться!

— Такъ значитъ мы еще долго будемъ драться?

— Говорю, пока нѣмецкій народъ

ПРОБУЖДЕНІЕ НѢМЦА.

Видѣлъ сонъ Михель прекрасный:
Нѣмцы свѣтъ весь побѣждаютъ!
А проснулся—видъ ужасный—
Мыши нѣмца осаждаютъ!

своихъ сумасшедшихъ повелителей не разберетъ и руки связавъ, не заткнетъ имъ ротъ, до тѣхъ поръ и война пройдетъ. Сила то вѣдь не въ Вильгельмахъ и другихъ командирахъ, не въ генеральскихъ мундирахъ, а въ тѣхъ полчищахъ, которыя они ведутъ.., Безъ нихъ всѣ командиры, всѣ эти мундиры, все равно, что безъ матеріи въ одежѣ дыры, есть только названіе, но нѣтъ никакого содержанія!

— Ну, говорю, старая, будетъ, заткни фонтанъ! Не для того тебѣ языкъ данъ, чтобы безъ толку имъ болтать, а для того, чтобы съ толкомъ его за зубами держать!

Разобидилась на эти слова ягнячья мать и рѣшила до тѣхъ поръ молчать пока нѣмцы войну не начнутъ кончать!

Дѣдъ Травоѣдъ.

Дѣвичья тоска.

Изболѣла грудь. Истрадалася
О миломъ дружкѣ вспоминаючи
Охъ, вернется ль онъ? Что съ нимъ
сталося?
Сердце жгетъ тоска, грудь терзаючи!
На войну ушелъ мой сердечный другъ,
На войну съ врагомъ, съ злымъ нѣм
чиною,
И изныла я отъ тоски и мукъ,
Вся повилася злой кручиною!
Наклонитеся тучи черныя,
Дайте горюшко мое высказать,
Думы выложить непокорныя
Слезы горькія всѣ повыплакать.
Вы возмите ихъ, сберегите ихъ
И снесите ихъ въ чужу сторону:
Если милаго друга нѣтъ въ живыхъ —
Не дадутъ они клюнуть ворону...
Коль въ землѣ зарытъ — надъ могилою
Слезы выростутъ травкой — цвѣтикомъ,
И услышетъ онъ свою милую —
Повѣнчаюсь такъ я съ милъ —
свѣтикомъ.
Если живъ здоровъ, но кручинится —
Думой дѣвичьей успокоится:
Храбрецомъ рубитъ нѣмцевъ кинется
Но отъ смерти самъ охоронится.

На мотивъ „полосынки".

Мы австрійцевъ разгромили.
Всѣ позиціи имъ сбили
И погнали
И погнали!

А они тому и рады:
Пушки, ружья и снаряды
Побросали
Побросали!

Убѣгаютъ въ разсыпную
Значитъ сторону родную—
Защитили
Защитили!

Тутъ десятки тысячъ плѣнныхъ
Мы въ числѣ трофей военныхъ
Полонили,
Полонили.

Австріяки-командиры
Пообчистивши мундиры
Отъ позора,
Отъ позора.

Свой народъ оповѣстили
Что австрійцы побѣдили
Очень скоро
Очень скоро!

Отъ побѣдъ австрійскихъ Вѣна
Повихнула вдругъ колѣно—
Захромала,
Захромала!

Наша армія, понятно,
Все впередъ, а не обратно
Наступала!
Наступала!

Притча.

Хозяинъ нѣкій жилъ
Съ работниками не всегда въ ладу,
Всегда плохое находилъ.
Но тотчасъ все онъ имъ простилъ
Лишь только общую почувствовавъ
бѣду...
И вмѣстѣ съ ними, наравнѣ,
Онъ отъ бѣды избавился вполнѣ.
Другой хозяинъ былъ
И небрежность работниковъ каралъ,
Когда жъ бѣду нажилъ—
Отъ нихъ отъ первыхъ помощь
,увидалъ...
Онъ сгоряча не вымолвилъ работникамъ
прощенья...
Но развѣ въ этомъ можетъ быть сомнѣнье?

П. Травинъ.

Лихая память.

Германской имперіи пой панихиду
И гибель ея прославляй!
Съ ней люди хоронятъ свободы обиду
И дверь открывается въ рай.
Безумья законовъ кулачной расправы
Свергается гордый кумиръ
исъ крупповскихъ пушекъ срываются
лавры
И ждетъ обновленія міръ...
Не вѣчная память—на вѣки проклятья
Создателямъ бойни людской
Всѣ люди на свѣтѣ должны жить какъ
братья,
Разставшись на вѣки съ враждой.
Не миръ сохраняетъ ростъ вооруженья
А къ бойнямъ безумнымъ ведетъ
Надежда на пушки надъ Богомъ глум-
ленье—
Пойми это, міра народъ.
Пойми и скажи себѣ единогласно
Во всѣхъ частяхъ свѣта одно:
Оружій не надо—шутитъ зломъ опасно
А злу быть добромъ не дано.
Германской имперіи пой панихиду—
Лихая ей память на вѣкъ,
Но впредь Божій разумъ и правду въ
обиду
Врагамъ не давай человѣкъ.

П. Травинъ.

Нѣмецкія „побѣды“.

— Послѣ войны будетъ чѣмъ похвастаться въ „фатерландѣ“. Двухъ польскихъ старухъ прирѣзалъ да одну молодую польку три часа терзалъ...

— А я Фрицъ, четверыхъ мальчишекъ на голову разбилъ...

— Большихъ?

— Нѣтъ, такъ отъ пяти до осьми лѣтъ...

———

Австрійскій офицеръ колетъ остріемъ сабли солдата, чтобы двигался впередъ „смѣлѣе“.

— Болванъ, за родину, а боишься!

— Хороша родина, которая до крови колется!—отзывается солдатъ, зажмуривая глаза для „храбрости“.

———

— Руби ихъ! Коли смѣлѣй! оретъ во всю глотку прусскій лейтенантъ, устремляясь на дорогія, рѣдкія картины въ одномъ французскомъ замкѣ.

— Пощады никому не дадимъ! храбро отзываются германскіе воины и надѣлавъ котлетъ изъ картинъ, добавляютъ:

— А жаль, что это не... свинина

———

Разговариваютъ два нѣмецкихъ политика:

— Нашъ побѣдоносный германскій флотъ непобѣдимъ! До сихъ поръ онъ весь цѣлъ, не смотря на огромное превосходство враговъ...

— И будетъ всегда непобѣдимъ, если... насъ не одолѣютъ!

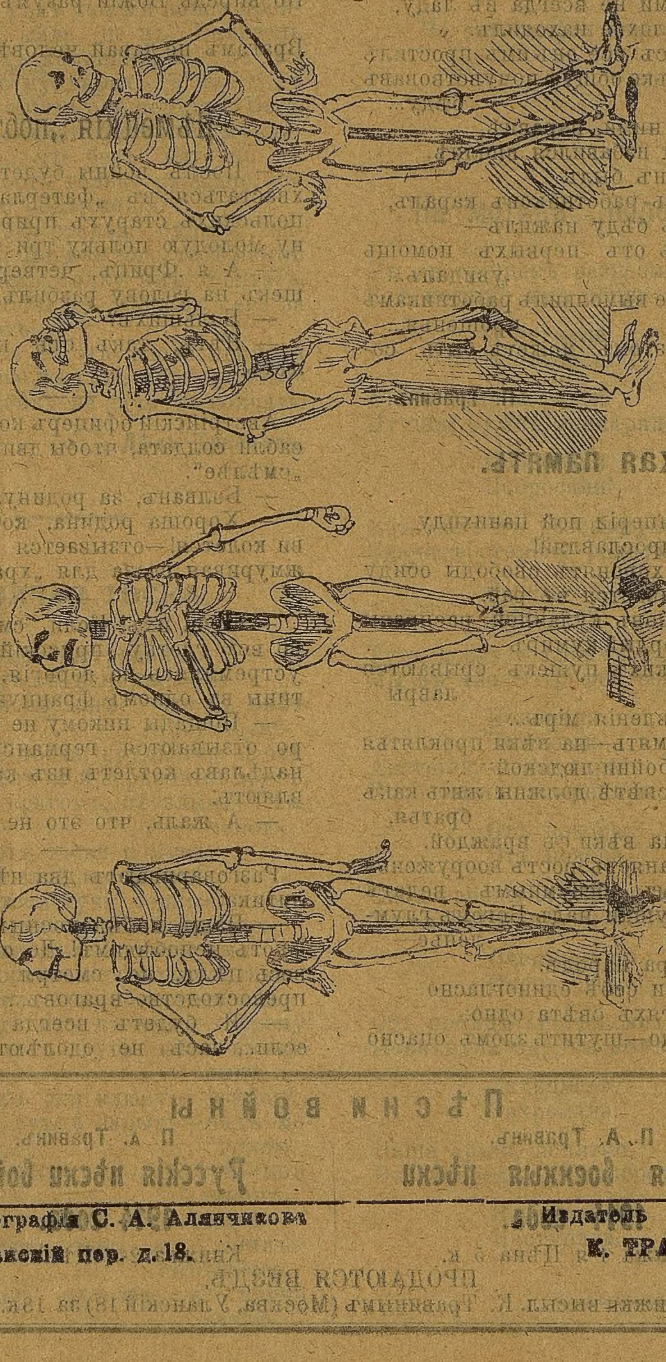
ПѢСНИ ВОЙНЫ

П. А. Травинъ.
Русскія военныя пѣсни 1914 года.
Книжка 1-я Цѣна 5 к.

П. А. Травинъ.
Русскія пѣсни войны 1914 года.
Книжка 2-я Цѣна 3 к.

ПРОДАЮТСЯ ВЕЗДѢ.
Обѣ книжки высыл. К. Травинымъ (Москва, Уланскій 18) за 18к. марк.

Германскіе весельчаки.



„Побѣдители" радуются своимъ „побѣдамъ."

Москва. Типографія С. А. Алянчикова.
Уланскій пер. д. 18.

Издатель
К. ТРАВИНЪ.